

Заметив, насколько серьезен Цю Хуанянь, Цзюцзю не стала медлить и со всех ног бросилась в поле за Ду Юньсэ.

Хуанянь же вернулся в главный дом. Он достал изящный чайный набор и тот самый чай «чжэншань сяочжун», что привез со встречи в академии Цинфэн — негоже встречать гостя абы как. Прибирая и без того безупречно чистые комнаты, юноша пытался угадать, кто же решил их навестить.

После возвращения в уезд Чжан Ду Юньсэ не вел переписки ни с кем из прежних знакомых, кроме У Шэня. Очевидно, он намеренно обрывал связи, не желая втягивать посторонних в свои заботы.

Баожэнь упомянул, что незванный гость — молодой гээр лет двадцати. В нынешние времена гээр, в одиночку пустившийся в столь дальний путь, — явление редкое. Тут требовались не только смелость и умение постоять за себя, но и согласие семьи. Тот факт, что путник был верхом на коне, говорил о его недюжинном достатке. Впрочем, знатные господа вряд ли отпустили бы своего сына одного, а значит, прибывший, скорее всего, был доверенным лицом, исполняющим волю своего хозяина.

Обычные вести можно передать и письмом. Если же человек проделал путь из самой столицы до уезда Чжан ради личной встречи с мужем, дело обещало быть непростым.

Пока Хуанянь предавался раздумьям, в ворота постучали. Он поспешил открыть, но за порогом стояли не Юньсэ с Цзюцзю, а незнакомец, ведущий под уздцы коня.

Солнце стояло в зените, заливая всё вокруг ослепительным, жарким светом, однако от путника веяло почти могильным холодом. Он казался хрупким, но это была та обманчивая легкость, что таится в зеве глубокой пещеры, куда никогда не заглядывало солнце, — темный провал, за которым может скрываться любая опасность.

Хозяин дома на мгновение замер. Взгляд скользнул по тонким, женственным чертам лица незнакомца и задержался на алой родинке меж бровей.

— Вы из столицы, к Юньсэ? — спросил он, отступая и приглашая гостя войти.

Молодой гээр задержал взгляд на лице Хуаняня лишь на долю секунды, после чего едва заметно кивнул:

— Мой господин велел мне доставить кое-какие вещи.

Хуанянь не стал докучать расспросами.

— Юньсэ сейчас на поле, за ним уже послали. Прошу вас, входите, подождите в доме.

— Благодарю. Можете звать меня Шилиу.

Следуя за хозяином, Шилиу завел коня во двор. Конюшню еще не успели закончить, так что статному скакуну, чья цена явно была баснословной, пришлось временно довольствоваться местом под строительным навесом. Гость хранил молчание, но его холодный, внимательный взгляд беспристрастно подмечал каждую деталь еще не достроенной усадьбы.

Покинув столицу, он сперва верхом добрался до гарнизона Цзиншань, где тайно встретился с У Шэнем и исполнил несколько поручений наследного принца. Лишь после этого страж свернул к деревне семьи Ду. С тех пор как он оставил стены дворца, прошло уже больше двадцати дней.

Шилиу знал, что семья Ду Юньсэ бедствовала. По пути он миновал немало деревень провинции Ляочжоу и примерно представлял, в какой нужде живут местные крестьяне. Однако, оказавшись на месте, он обнаружил, что действительность разительно отличается от его ожиданий.

— У нас тут стройка в самом разгаре, — как бы между прочим заметил Хуанянь. — Передний двор только закончили, а задние службы и сад еще в лесах. Повсюду беспорядок, так что не обессудьте.

Путник не ответил, но в этот миг он решил изменить свои планы. Прежде он намеревался уехать немедленно, но теперь задумал остаться в деревне семьи Ду на несколько дней. Ему нужно было выяснить, не связано ли внезапное благополучие Ду Юньсэ с интригами других столичных группировок. Как толковать эти сведения, решит сам Его Высочество. Дело Шилиу — быть глазами и ушами принца, его верным клинком и нерушимым щитом.

К тому же...

Взгляд стража вновь мимолетно скользнул по лицу Цю Хуаняня и тут же, по привычке, скрылся за маской безразличия. Помимо долга перед господином, в нем проснулось редкое, почти забытое чувство — крупица личного интереса. Скорее всего, это была лишь очередная призрачная иллюзия, но он привык искать, даже если поиски были обречены на провал.

Через четверть часа во дворе наконец появились Ду Юньсэ и Цзюцзю.

Услышав шаги, Шилиу вышел из главного дома. Юньсэ предстал перед ним в старой поношенной одежде, с покрасневшей от солнца кожей; на подоле его штанов виднелись пятна свежей грязи — облик обычного земледельца. Однако в сравнении с тем Ду Юньсэ, которого гость мельком видел при дворе наследного принца несколько лет назад, нынешний казался

куда более глубоким и основательным. Он походил на кусок драгоценной яшмы, прошедший через тонкую огранку и обретший истинную внутреннюю силу.

Видимо, бури, сотрясавшие столицу в начале года, изменили его больше, чем можно было предположить.

Увидев в своем доме Шилиу, Ду Юньсэ едва заметно нахмурился, но тут же взял себя в руки. Он спокойно велел Цзюцзю увести Чуньшэна на улицу поиграть. Когда дети скрылись за воротами, Юньсэ шагнул к гостю:

— Господин Шилиу, какими судьбами?

— По велению моего хозяина, — коротко ответил тот.

Хуанянь хотел было спросить, не стоит ли ему оставить их наедине, но Юньсэ жестом велел ему остаться.

— Я лишь бедный книжник, не имеющий ни власти, ни веса. Дела вашего господина — не то, что нам с моим мужем дозволено слушать.

Лицо Шилиу осталось бесстрастным:

— Господину Ду не стоит тревожиться. Мой хозяин ныне весьма осмотрителен в речах и поступках, пребывая в уединении и раздумьях. В его делах нет ничего, что следовало бы скрывать от чужих ушей.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Я прибыл лишь затем, чтобы передать подарок. Мой господин просил передать, что помнит ваши годы совместного учения. Поскольку он не может лично поздравить вас с получением звания «сяо сань юань», он глубоко сожалеет и просит принять этот скромный дар в знак уважения.

Не дожидаясь ответа, гээр открыл принесенный с собой лакированный футляр. Цю Хуанянь, заглянув внутрь, невольно расширил глаза от изумления — лишь присутствие гостя удержало его от громкого возгласа.

В обитых шелком ячейках покоились сокровища: целехонький, крупный гриб линчжи, корень женьшеня толщиной в большой палец и коробочка с превосходными срезами пантов. Даже Хуанянь, не будучи знатоком, понимал, что перед ним дары императорского уровня. Подобные редкости не купишь ни за какие деньги, а если и оценивать их в серебре, то стоимость наверняка перевалила бы за тысячу лянов.

Шилиу не боялся отказа. Раз Его Высочество решил, что Ду Юньсэ примет подарок, значит, так оно и будет.

Ду Юньсэ долго смотрел на драгоценные снадобья, скрывая свои мысли под тенью ресниц. Наконец он сложил руки в приветственном жесте:

— Было бы невежливо отказаться от столь щедрого дара. Прошу вас, господин Шилиу, передайте мою искреннюю благодарность вашему господину.

Хуанянь, снедаемый тревогой, взглянул на мужа, но тот едва заметно покачал головой, призывая к спокойствию.

Захлопнув ларец, Шилиу отставил его в сторону:

— Поручение моего хозяина исполнено. Однако у меня есть к вам одна просьба.

— Слушаю вас.

— Я скакал из самой столицы без отдыха и теперь, когда дела закончены, хотел бы немного прийти в себя перед обратной дорогой. Не позволите ли вы мне остановиться в вашем доме на несколько дней?

Ду Юньсэ ни на миг не поверил этому оправданию. Наставник Вэнь как-то рассказывал ему, что тайные стражи наследного принца проходят через жестокую школу. Большинство из них — сироты, которых с малых лет натаскивают в учебных заведениях дворца. Эти люди давно вышли за пределы человеческих возможностей; они исполняют приказ господина, даже если лишатся рук или ног. Слышать от лучшего стража принца, что ему нужен отдых после долгой скачки, было так же нелепо, как если бы сам Юньсэ вдруг заявил, что не знает грамоты.

Впрочем, Шилиу и не заботился о правдоподобии своих слов. Он представлял волю наследного принца, и Юньсэ прекрасно это понимал. Отказать ему было невозможно.

Ду Юньсэ взглянул на мужа. Тот, немного помедлив, кивнул:

— У нас свободен восточный флигель, а в задних постройках уже готова одна комната с каном. Где бы вы предпочли устроиться?

Флигель был просторнее, но задние комнаты обеспечивали большее уединение. Гость выбрал второе:

— Не стоит утруждаться, я займу заднюю комнату.

В доме внезапно появился чужак, и у Хуаняня накопилась уйма вопросов, но задавать их при госте было нельзя. Он отправился обустроить жилье для Шилиу. К счастью, он заранее планировал пару комнат в задних службах под гостевые и велел сложить там небольшие каны. Пришлось лишь принести циновки, постелить одеяло и подушку, да поставить стол со стулом — вот и вышло жилье, пригодное для человека. Хуанянь опасался, что обстановка слишком проста, но, глядя на строгий облик стража, решил, что такая умеренность ему только по душе. Тот молча поблагодарил его и сложил свои скудные пожитки.

К вечеру вернулись дети. В корзинке у Цзюцзю весело прыгали мелкие речные креветки.

— Мы встретили дядю Баошаня с Юньканом на берегу, они и поделились уловом, — похвасталась девочка.

В таких креветках мяса — кот наплакал, их обычно либо в суп кидают, либо сушат как закуску. Хлопот с ними много, а хранятся они недолго, так что в деревне их ловили редко. Но вода в речке за лесом была чистой, и Хуанянь охотно взялся за дело. Он промыл креветок и сварил густую кашу с рисом и зернами кукурузы, а перед самой подачей бросил в котел мелко рубленую зелень и лук. К ароматной похлебке он подал соленья и тарелку жареного тофу с пряностями — вышел простой, но сытный деревенский ужин.

В кухне было душно, и хозяин держал окна и двери настежь. Обернувшись с подносом в руках, он вздрогнул: у дверного косяка тенью замер Шилиу, безмолвно наблюдая за ним своим холодным взглядом.

— Господин Шилиу?

Тот, не говоря ни слова, протянул руки и забрал поднос. Хуанянь на автомате отдал его, и гость понес еду в главную комнату.

«Решил помочь?»

Хуанянь недоуменно покачал головой, глядя стражу в спину.

Детям и соседям они сказали, что Шилиу — старый знакомый Ду Юньсэ из столицы, проезжавший мимо. Гость был неразговорчив, его лицо всегда хранило суровое, почти ледяное выражение, так что Цзюцзю и Чуньшэн побаивались его и не смели заговаривать первыми. Сам же Шилиу лишней раз рта не открывал, перемещаясь по дому беззвучно, словно призрак.

После ужина Ду Юньсэ вымыл посуду, и они с мужем под предлогом осмотра хлопковых полей наконец-то вышли из дома, чтобы поговорить без лишних ушей.

Над полями висела яркая луна. В этот час здесь не было ни души — уставшие за день крестьяне давно разошлись по домам. Ду Юньсэ безупречно следовал советам мужа: три му хлопка росли ровными рядами, а в лунном свете отчетливо белели и розовели распутившиеся цветы. Осенью на их месте появятся тяжелые коробочки, и тогда можно будет собирать урожай.

Хуанянь присел, внимательно осматривая кусты, и вскоре нашел то, что искал — следы погрызов хлопковой совки. Этот вредитель — злейший враг хлопка; личинки пожирают и листья, и завязи. Если упустить момент, урожай погибнет целиком. Борьба с совкой всегда была головной болью для крестьян. В старину гусениц собирали вручную или давили яйца на листьях. В будущем появятся дорогие пестициды, но Хуанянь знал другой путь — проверенный временем способ с использованием биофермента.

— Наш биофермент уже настоялся, и в семьях главы клана и Юнькана тоже сделали запасы по моему совету. Надо будет на днях купить уксусного осадка — будем травить вредителей.

Если удастся отбить эту атаку, считай, главные трудности с хлопком позади. Юньсэ помог Хуаняню подняться, и они медленно побрели по тропинке, залитой холодным лунным светом, напоминавшим тонкий слой инея.

— Этот Шилиу... он из дворцовой стражи? — тихо спросил Хуанянь.

Юньсэ удивленно взглянул на него — он ведь не успел ничего рассказать.

— Как ты догадался?

— Его выправка... Каждое движение выверено до мелочей. Слишком безупречно для обычного слуги.

Хуанянь видел челядь в доме сюэца Суна и в префектуре Сянпин, но те, при всей своей важности, и в подметки не годились гостю. Тот был словно из другого мира.

К тому же, такие дорогие подарки из императорской аптеки и намеки на общую учебу с наставником Вэнем не оставляли сомнений. Юньсэ никогда не упоминал о своих соучениках по столичной академии, но личность «хозяина», который не жалеет тысяч лянов на подарки, сузилась до единственного имени.

Ду Юньсэ кивнул, подтверждая догадку:

— Его хозяин — наследный принц.

Хуанянь непроизвольно втянул воздух сквозь зубы. Теперь он понимал, почему днем муж был так напряжен.

Хотя он плохо разбирался в дворцовых интригах, он знал, что судьбы Юньсэ и У Шэня, а также их наставников, намертво переплетены с принцем. Наследник — второй человек в Поднебесной, будущий властелин всего сущего. Но эта роль — самая опасная в мире. Статус принца не гарантирует корону; в любую секунду его могут лишить чина, бросить в темницу или вовсе лишить жизни.

Когда отец — владыка мира, а сын — его грядущий преемник, узы крови часто превращаются в нечто чудовищное, замешанное на страхе, подозрительности и безумии. Нынешнему императору нет и пятидесяти, он полон сил и славы полководца, и до заката его дней еще далеко. А принц уже вошел в пору зрелости и сияет слишком ярко, чтобы отец видел в нем просто послушного сына.

К тому же, за спиной императора подрастают другие принцы, жадные и хитрые, как волки, и каждый из них спит и видит себя на месте наследника. В такой игре одно неверное движение — и принц оказывается под домашним арестом в зале Чуньхэ, а его сторонников казнят или ссылают. Даже великий генерал У Диншань и наставник Вэнь Хойян не смогли избежать этой участи.

Император медлил с окончательным низложением сына, и это подвешенное состояние было мучительным для всех. И вот теперь Шилиу тайно прибывает в Ляочжоу... Это веяло грозой.

— Юньсэ, я всё хотел спросить... Кого ты поддерживаешь?

Этот опасный, почти мятежный вопрос Хуанянь осмелился задать лишь здесь, в безмолвных ночных полях.

Наставник Вэнь в опале за верность принцу, У Шэнь — его родич и лучший друг Ду Юньсэ. Казалось бы, выбор очевиден. Но Хуаняню нужно было услышать это из первых уст.

Юньсэ не стал лукавить. Между ним и его мужем больше не было тайн: их судьбы сплелись в одну, и пронизательность Хуаняня только помогала им обоим.

— Как верный подданный, я служу лишь достойному правителю Юй, — твердо произнес он.

А властелин в Поднебесной может быть только один.

Хуанянь хотел что-то возразить, но вовремя прикусил язык, осознав истинную суть вещей. Он перестроил свои мысли.

— Ты приветил Шилиу и дружишь с У Шэнем потому что... так угодно самому императору?

— Отношения императора и принца... — Ду Юньсэ на мгновение задумался. — Принц заточен в зале Чуньхэ под надзором гвардии. Без дозволения государя он не смог бы узнать о моем успехе на экзаменах и уж тем более послать Шилиу за стены дворца. Судя по времени, Шилиу сперва заехал в гарнизон Цзиншань к У Шэню и лишь на обратном пути завернул к нам.

— Принц послал его к У Шэню? — Хуанянь тут же вспомнил о странном оружии и запасах зерна у кочевников, о которых писал У Шэнь.

— У Шэнь — его двоюродный брат. Граница в огне, и принц, движимый заботой о родне и памятью о покойной императрице, посылает стража с лекарствами. Никто не посмеет упрекнуть его в этом.

Все в Поднебесной знали: память о покойной императрице — это «запретная зона» для критики. Несмотря на то, что император всё больше благоволит наложнице Кан, он не прощает неуважения к своей первой супруге.

— Да и сама наложница Кан... Разве не потому её ввели во дворец, что она лицом точь-в-точь как покойная государыня? — добавил Юньсэ.

Выслушав краткий рассказ о хитросплетениях власти, Хуанянь лишь презрительно скривился.

— Она давно ушла, а он держит взаперти её единственное дитя, забавляясь с двойником и разыгрывая преданность. Есть ли смысл в такой любви?

Юньсэ следовало бы немедленно оборвать эти дерзкие речи, но он лишь промолчал. Раньше он тоже не понимал этой странной, граничащей с безумием страсти императора. Но, встретив своего мужа, начал понемногу осознавать: иногда под золотой короной бьется сердце обычного, измученного человека.

Впрочем, именно это понимание заставляло его еще меньше одобрять поступки своего повелителя.

<http://bllate.org/book/15363/1415948>